

УДК 811.161.1

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ПРОСТЫХ СТРУКТУРНЫХ ДЕРИВАТОВ – ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С РАЗЛИЧНЫМИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. И. КОВАЛЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается зависимость между основными типами словообразовательных значений (мутационным, модификационным, транспозиционным) и характером внутренней формы простых структурных дериватов – имен существительных русского языка. Выделены отдельные группы имен существительных с модификационным и транспозиционным словообразовательным значением, внутренней формой которых не являются слова, их мотивирующие. Уточняется вопрос о том, существует ли корреляция между такими характеристиками производного слова, как мотивированность и наличие внутренней формы. Определяется нефиксированная позиция внутренней формы слова в словообразовательном гнезде. Отмечено, что возможны случаи совпадения внутренних форм слова у дериватов, находящихся в отношениях последовательной мотивированности.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; имя существительное; дериват; мотивированность; мутационное словообразовательное значение; модификационное словообразовательное значение; транспозиционное словообразовательное значение.

УНУТРАНАЯ ФОРМА ПРОСТЫХ СТРУКТУРНЫХ ДЭРЫВАТАЎ – НАЗОЎНІКАЎ З РОЗНЫМІ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫМІ ЗНАЧЭННЯМІ Ў РУСКАЙ МОВЕ

Г. І. КАВАЛЁВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца залежнасць паміж асноўнымі тыпамі словаўтваральных значэнняў (мутацыйным, мадыфікацыйным, транспазіцыйным) і характарам унутранай формы простых структурных дэрыватаў – назоўнікаў рускай мовы. Вылучаны асобныя групы назоўнікаў з мадыфікацыйным і транспазіцыйным словаўтваральным значэннем, унутранай формай якіх не з’яўляюцца іх матывавальныя словы. Удакладняецца пытанне аб існаванні карэляцыі паміж такімі характарыстыкамі вытворнага слова, як матываванасць і наяўнасць унутранай формы. Вызначана нефіксаваная пазіцыя ўнутранай формы ў словаўтваральным гняздзе. Адзначана, што існуюць выпадкі супадзення ўнутраных форм слоў у дэрыватаў, звязаных адносінамі паслядоўнай матываванасці.

Ключавыя словы: унутраная форма слова; назоўнік; дэрыват; матываванасць; мутацыйнае словаўтваральнае значэнне; мадыфікацыйнае словаўтваральнае значэнне; транспазіцыйнае словаўтваральнае значэнне.

Образец цитирования:

Ковалева АИ. Внутренняя форма простых структурных дериватов – имен существительных с различными словообразовательными значениями в русском языке. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2019;2:70–76.

For citation:

Kovaleva AI. Inner form of noun morphological derivatives with different derivational meanings in Russian language. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2019;2:70–76. Russian.

Автор:

Анна Игоревна Ковалева – аспирантка кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. С. Ровдо.

Author:

Anna I. Kovaleva, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
kowalowa_anna@mail.ru

INNER FORM OF NOUN MORPHOLOGICAL DERIVATIVES WITH DIFFERENT DERIVATIONAL MEANINGS IN RUSSIAN LANGUAGE

A. I. KOVALEVA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to the problem of relation between types of derivational meaning (mutation, modification, transposition) of Russian derived nouns and inner form dimension. The groups of nouns with modification and transposition derivational meaning the inner form of which are not words motivating them are distinguished. The article clarifies the question of correlation between motivation and inner form of derivatives. It demonstrates that the inner form of derivatives following each other in derivational string could be the same. Non-fixed position of inner form of a word in derivational family is emphasized.

Keywords: inner form of a word; noun; derivative; motivation; mutation derivational meaning; modification derivational meaning; transpositional.

Внутренняя форма слова (далее – ВФ слова) представляет интерес для различных отраслей языкознания, в связи с чем в современной лингвистике не существует единого подхода к определению данного феномена. При рассмотрении ВФ слова с позиций синхронной дериватологии часто ставят знак равенства между мотивированностью слова и наличием у него ВФ, чему немало способствуют дефиниции ВФ, представленные в лингвистических словарях («семантическая или структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка» [1, с. 72; 2, с. 85], «мотивировка лексического значения слова его словообразовательной и семантической структурой» [3, с. 61]), а также очевидная связь ВФ с деривационными процессами.

Отождествление ВФ слова и мотивированности превращает их в терминологические дублеты. Лингвисты предлагают различные пути преодоления такого рода дублетности. Н. В. Попович, называя ВФ частным случаем мотивированности, отмечает, что ВФ – не любая мотивированность, а «лишь образная основа значения, то есть достаточно конкретный образ, представление, с которым ассоциируется соответствующее слово и которое связывается с признаком предмета, наиболее рельефно воспринимавшимся в момент наименования» [4, с. 83]. По мнению О. П. Ермаковой и Е. А. Земской, понятие «мотивированность» содержит указание на принадлежность слова к той или иной части речи или семантической группе и работает на словообразовательную характеристику слова, в то время как ВФ вскрывает природу наименования и работает на ономаσιологический аспект слова [5, с. 518]. Как отмечает Е. С. Снитко [6, с. 40], одной из важнейших характеристик ВФ является ее апперцептивная природа, так как именно ВФ производных слов становится средством понимания говорящего слушающим, позволяя соотнести новую номинацию с другими, уже имеющимися в сознании индивида, установив смысловую связь между ними. ВФ слова обладает, в отличие от большинства лингвистических понятий (в том числе и мотивированности), психологической реальностью для носителей языка [7, с. 58] и дает ключ к пониманию одного объекта действительности через другой, заключая в себе признак, положенный в основу номинации. В связи с этим мы рассматриваем ВФ как наименование *A*, имеющее формальное выражение в структуре слова *B*, при этом связь между объектами/явлениями, именуемыми словом *A* и словом *B*, лежит в основе наименования *B* и осознается носителями языка на современном этапе его развития.

При попытке разграничения таких свойств производного слова, как наличие ВФ и мотивированность, возникает вопрос о том, какой именно компонент словообразовательного гнезда следует считать ВФ слова. Поскольку ВФ слова – тот элемент словообразовательного гнезда, который используется для объяснения наименования, а следовательно, в обязательном порядке в словообразовательной цепи предшествует слову, ВФ которого выявляется, на роль ВФ могут претендовать:

- 1) вершина словообразовательного гнезда;
- 2) непосредственно мотивирующее слово;
- 3) иной член словообразовательной цепи, не являющийся ни вершиной гнезда, ни мотивирующим для слова, ВФ которого выявляется.

Для определения того, какой из членов словообразовательной цепи следует считать ВФ слова, необходимо выявить, все ли мотивированные слова обладают ВФ, а если нет, то какие из них.

Под мотивированным словом понимают такое, значение и звучание которого обусловлено другим однокоренным словом [8, с. 131]. Это значит, что мотивирующее слово включается в мотивированное

материально и семантически и обязательно предшествует последнему в словообразовательной цепи, что напоминает отношения между ВФ слова и производным словом. Однако для ВФ слова, помимо семантической и структурной связи со словом, по отношению к которому она выявляется, облигаторным признаком следует считать ее объяснительную силу, представляющую собой то свойство ВФ, которое позволяет дифференцировать ее и мотивирующее слово. Вокруг ВФ слова всегда возможно построить номинативное суждение – такую «формулировку... в которой утверждается или отрицается что-то в отношении предмета, а также указывается, почему предмет так назван» [9, с. 32]. В то же время, поскольку богатство русских словообразовательных моделей позволяет именовать один и тот же денотат при помощи различных следующих друг за другом в деривационной цепи слов, которые мотивируют друг друга с точки зрения словообразования, при попытке объяснения такого рода наименований друг через друга происходит не толкование явления через другое явление, а лишь объяснение формальной связи слова со словом. В силу того что ВФ является связующим звеном не только между словами, но и между объектами/явлениями действительности, ВФ слова может являться не любое мотивирующее, а лишь такое, которое называет предмет/объект, отличный от того предмета/объекта, ВФ наименования которого выявляется.

Для дифференцирования ВФ слова и мотивирующего слова необходимо проанализировать семантику мотивированных слов, которая в наиболее общем виде представлена делением их словообразовательных значений на мутационное, модификационное и транспозиционное. Поскольку словообразовательное значение способно «классифицировать отражаемую в нем действительность, создавать стереотипы семантических классификаций, а также хранить в себе информацию, зафиксированную внутренней формой мотивирующего, соединяя в себе новый опыт со старым» [10, с. 118], некоторые лингвисты указывают на возможную зависимость между характером и наличием ВФ слова и тем словообразовательным значением, носителем которого является мотивированное слово [5]. Однако, поскольку данный вопрос в лингвистической литературе не рассматривается подробно, целью данной статьи является выявление корреляции между характером ВФ деривата и его словообразовательным значением. В связи с этим остановимся на рассмотрении типов словообразовательных значений подробнее.

Один из типов словообразовательных значений, реализуемый в простых дериватах, – **мутационное значение**. Мутационная деривация охватывает соотношения, при которых мотивированное слово отличается от мотивирующего тем, что обозначает совершенно иной феномен внешней действительности [11, с. 363], и не связана с обязательной переменной/сохранением части речи у мотивированного по сравнению с мотивирующим [12, с. 149]. Как отмечает Н. Д. Голев, «мутационный тип предполагает, что его реализация создает качественно новое лексическое понятие как вещественное ядро значения по сравнению с лексическим понятием, выражаемым мотивирующим словом. Последнее входит в первое в качестве частного видового признака» [13, с. 19].

Следовательно, если ВФ есть, по выражению А. А. Потебни, «образ образа», идейная основа наименования, получившая формальное выражение в структуре мотивированного слова и отразившая связь между различными явлениями действительности, одно из которых можно объяснить через другое, то отношения между дериватом с мутационным словообразовательным значением и его мотивирующим должны быть приняты за эталон отношений между словом и его ВФ. В парах *беляк* ('вид зайца, имеющего зимой мех белой окраски (в отличие от русака)' [14] – *белый*, *носилки* – *носить*, *богач* – *богатый*) коренной сдвиг в семантике деривата, который не может называть то же явление, что и его мотивирующее слово, позволяет объяснить мотивированное слово через мотивирующее посредством связи между их денотатами, следовательно, мотивирующее выступает не просто в качестве структурной опоры нового наименования, но и как ее идейная основа. Таким образом, у дериватов – имен существительных с мутационным словообразовательным значением наблюдается совпадение ВФ и мотивирующего в одном слове.

Слова с **модификационным** словообразовательным значением, помимо значения мотивирующего, включают в свою семантику дополнительный модифицирующий признак: иными словами, в их семантике присутствует некоторый компонент, которого нет в значении производящего. При этом мотивированное и мотивирующее слова принадлежат к одной части речи [8, с. 265].

К модификационным словообразовательным значениям существительных в русском языке относят следующие [8, с. 262–264; 12, с. 160]:

1) субъективно-оценочное:

- уменьшительности (*шумок*);
- уменьшительности/экспрессивности (*братишка*, *мяско*);
- ласкательности (*сынуля*, *реченька*);
- увеличительности (*рыбина*, *пылица*);

- 2) стилистической модификации (*бандюга, морозьяка*);
- 3) подобия (*дымка, кожура*);
- 4) подчиненности – с частными значениями «подразделение, составная часть того, что названо мотивирующим словом»; «лицо, подчиненное тому, которое названо мотивирующим словом» (*подгруппа, подмастерье*);
- 5) «стоящий над тем, что названо мотивирующим словом, лицо, старшее по чину, должности по сравнению с лицом, названным мотивирующим словом» (*надсемейство, архиепископ*);
- 6) «второй по чину, по должности после лица, названного мотивирующим словом» (*проректор, вице-президент*);
- 7) дополнительности, побочности, вторичности того, что названо мотивирующим словом (*призвук, отголосок*);
- 8) отсутствия, противоположности тому, что названо мотивирующим словом (*неправда, беспорядок*);
- 9) противонаправленности (*антифашист, контрразведка*);
- 10) повторности (*ретрансляция, переследствие*);
- 11) пространственно-временные (*взгорбок, затакт*);
- 12) первоначальности, древности (*п्राязык, протозвезда*);
- 13) собирательности (*мошкара*);
- 14) единичности (*градина, мармеладка*);
- 15) женскости (*ткачиха, любимица*);
- 16) «самец животного» (*козел*);
- 17) невзрослости (*змееныш, поваренок*).

Как видно из конкретизированного списка модификационных значений, свойственных существительным русского языка, модификации свойствен широкий диапазон значений, что определяет неоднородность дериватов с точки зрения того, являются ли слова, их мотивирующие, их ВФ.

Из толкования основной массы дериватов с модификационными словообразовательными значениями ясно, что модификаты и мотивирующее их слова называют разные объекты действительности: *подмастерье* – ‘подручный мастера-ремесленника, выполняющий несложную работу’ – это не то же самое, что *мастер* – ‘квалифицированный работник, занимающийся каким-л. ремеслом’; *протозвезда* *звездой* не является, а представляет собой ‘небесное тело, из которого образуется звезда’; *кожура* подобна *коже*, однако это ‘внешняя оболочка плода, семени’, а не ‘наружный покров тела человека, животных’ [14]. При этом в ответе на вопрос, почему данный конкретный модификат называется именно так, фигурирует его мотивирующее, следовательно, можно утверждать, что у большей части модификатов их ВФ является мотивирующее их слово.

Среди модификатов особое положение занимают слова со **значением стилистической модификации и субъективно-оценочным значением**, у которых стилистическая и экспрессивная функции словообразования затмевают собственно номинативную. Поскольку, как пишет Е. А. Земская, используя в речи такие модификаты, «...человек прежде всего выражает свое отношение или оценку. Именно эта задача у него на первом плане при создании производного слова, а не факт наименования»; «говорящий, не желая быть “лингвистическим занудой”, пускает в ход стилистически маркирующий суффикс...» [15, с. 10], эти дериваты предназначены не для наименования, а для переименования объектов действительности в соответствии с намерениями говорящего и называют один и тот же предмет или явление в разных ситуациях: *бандюга* – такой бандит, к которому говорящий относится исключительно негативно; *комнатка* – это тоже комната, размер которой кажется говорящему недостаточным. Некоторые слова типа *мяско, морозьяка* вообще не получают толкования в словарях ввиду их денотативного тождества собственным мотивирующим и прозрачности семантики формантов. Таким образом, можно говорить о том, что как субъективно-оценочные слова и стилистические модификаты, так и слова, их мотивирующие, называют реалии одного класса, только первые уточняют ситуацию применения слова, выражая отношение к предмету или обозначая стилистическую ситуацию применения слова, а вторые называют объекты действительности без подобного рода уточнений. Дискуссионность вопроса об отнесенности субъективно-оценочных производных к формам собственных производящих или же к отдельным словам, осознание их промежуточного положения между формо- и словообразованием [16, с. 101–102] подчеркивает их теснейшую семантическую связь с собственными мотивирующими. Это позволяет утверждать, что денотативный компонент лексического значения слов, мотивирующих такого рода модификаты, совпадает с денотативным компонентом лексического значения последних, и потому данные мотивирующие не могут быть расценены как ВФ собственных дериватов.

Транспозиционное словообразовательное значение, в отличие от мутационного, основано не на изменении семантики мотивирующего слова, а на изменении частеречной принадлежности деривата

с сохранением семантики исходного слова. По замечанию И. С. Улуканова, «члены транспозиционных пар должны означать «одно и то же», одну и ту же реалию (действие или признак), по-разному в языке грамматически интерпретированную (представленную)» [12, с. 150].

В современном языкознании существуют разные подходы к определению транспозиции. Е. С. Кубрякова понимает транспозицию очень широко: как образование слов одной части речи на базе слов другой части речи вне зависимости от объема семантического приращения деривата [15, с. 341–342]. При таком подходе в область транспозиционных производных следует включить все случаи межчастеречной мутации в традиционном смысле (слова вроде *резак*, *учитель*), а в группу с собственно мутационным словообразовательным значением войдут только внутrichастеречные дериваты с отличной от производящего слова ядерной лексической семьей: *перец* – *перечница*, *нефть* – *нефтяник* [18, с. 145]. При анализе ВФ будем следовать классическому пониманию транспозиции, предложенному М. Докулилом и закрепленному в «Грамматике-80»: транспозитом считается такое мотивированное слово, которое наделяется «грамматическим значением части речи, отличным от грамматического значения части речи, присущего мотивирующему слову. Мотивированные существительные, имеющие транспозиционное словообразовательное значение, совпадают с мотивирующим словом во всех компонентах своего значения, кроме общего грамматического значения части речи: *ходить* – *ходьба*, *красный* – *краснота*» [8, с. 265]. Суженное понимание транспозиции вполне оправдано при анализе ВФ, поскольку ВФ обладают все существительные с мутационным словообразовательным значением в традиционном понимании. Расширение же границ транспозиции усложняет решение и без того сложного вопроса о наличии ВФ у транспозитов.

Сама природа транспозиции в классическом ее понимании, основанной на дублировании семантики мотивирующего в мотивированном, не предполагает совпадения мотивирующего и ВФ мотивированного в одном слове, если вслед за И. С. Улукановым полагать, что транспозит означает то же, что и его мотивирующее слово, но в другом грамматическом оформлении. Действительно, в парах *кипеть* – *кипеть*, *жужжание* – *жужжать* глаголы не являются ВФ существительных, поскольку и мотивирующее, и мотивированное называют одно и то же действие, только в другой «морфологической одежде» [16, с. 147]. Однако имена существительные – транспозиты неоднородны. В границах транспозиционных словообразовательных типов И. С. Улуканов выделяет транспозиты с конкретизирующими значениями вроде: 1) ‘обряд’ (*крестины*); 2) ‘болезнь’ (*чахотка*); 3) ‘явление природы’ (*ливень*). Таким образом, процесс образования слов с транспозиционным словообразовательным значением не обязательно сводится только к приобретению частеречной семьей мотивирующего слова ядерного статуса в значении мотивированного слова с сохранением у последнего общей семантики мотивирующего. У существительных – транспозитов с конкретизирующим значением позицию ядерной семы занимает не ‘действие’ или ‘признак’, а ‘обряд’, ‘болезнь’, ‘явление природы’. Если «чистый» транспозит *поминание* толкуется в словарях как ‘действие по глаголу помянуть’ (т. е. ‘вспоминать об умершем, чтя его память’), то однокоренной ему транспозит с конкретизирующим значением *поминки* – это уже не действие по глаголу *помянуть*, но ‘обрядовое угощение в память умершего’ [14]. *Прятки* – это ‘детская игра, состоящая в том, что один (водящий) ищет остальных спрятавшихся участников игры’, а отнюдь не любой случай *прятания*. Данные примеры демонстрируют, что имена существительные – транспозиты с конкретизирующими значениями находятся на пути к мутационным словообразовательным типам.

При решении вопроса о том, обладает ли конкретный транспозит ВФ и каков ее характер, его отнесенность к группе слов с конкретизирующим значением играет большую роль. «Эталонные» транспозиты признаются нами словами, ВФ которых не может являться слово, их мотивирующее, поскольку и дериват, и мотивирующее слово означают одно и то же, происходит только «переливание» лексических понятий из одной части речи в другую [13, с. 19]. Что касается существительных – транспозитов с конкретизирующим значением, то их ВФ следует признать слова, их мотивирующие, так как данные дериваты и их мотивирующие именуют различные явления действительности, несмотря на причисление первых к области транспозиции. Поскольку конкретизирующее значение транспозитов является таковым в силу идиоматичности семантики дериватов, не представляется возможным определить, слова каких именно словообразовательных типов характеризуются конкретизирующим значением, и вопрос о том, обладает ли конкретный неядерный транспозит ВФ, решается индивидуально для каждого деривата такого рода.

Анализ особенностей мутационных, модификационных и транспозиционных словообразовательных типов позволил установить, что ВФ дериватов с мутационным значением являются слова, их мотивирующие. Транспозиты и модификаты не отличаются подобной однородностью. Мотивирующие транспозитов могут являться их ВФ только в том случае, если последние обладают конкретизирующим значением, поскольку только тогда дериват именует иное явление действительности, чем его мотивирующее. В то же время для большинства модификатов мотивирующие их слова выступают в роли их ВФ.

Исключение составляют лишь слова с субъективно-оценочным значением и значением стилистической модификации.

После того как ВФ дериватов с мутационным словообразовательным значением и отдельных транспозитов и модификатов была обозначена как их мотивирующее, открытым остался вопрос о том, имеют ли ВФ остальные слова с модификационным и транспозиционным значением и, если имеют, каков ее характер. Поскольку данные слова являются производными, неправомерно было бы лишать их ВФ только по причине того, что они используются для обозначения тех же явлений действительности, что и слова, их мотивирующие. Если ВФ транспозита и модификата не является слово, их непосредственно мотивирующее, ВФ такого деривата станет тот элемент словообразовательной цепи, который предшествует их мотивирующему в словообразовательной цепи и при этом называет некоторый объект действительности, отличный от того, что обозначен данным модификатом/транспозитом. В результате ВФ деривата может оказаться как вершина гнезда – например, у слова *шалунишка* (*шалить* – *шалун* – *шалунишка*), так и иной элемент словообразовательной цепи, не совпадающий ни с мотивирующим словом, ни с вершиной гнезда (в словообразовательной цепи *лить* – *слить* – *сливки* – *сливочки* ВФ последнего можно считать слово *слить*). То, что ВФ одних дериватов являются слова, непосредственно их мотивирующие, а ВФ других – иные элементы словообразовательной цепи, означает, что ВФ производных слов, следующих друг за другом в словообразовательной цепи, может совпадать: ВФ слова *сливки* является его непосредственно мотивирующее *слить*, которое выступает и как ВФ модификата *сливочки*. Если модификат со значением стилистической модификации / субъективно-оценочным значением или транспозит с неконкретизирующим значением находится на первой ступени деривации, в его словообразовательной цепи невозможно найти слово, которое могло бы объяснять наименование данного модификата/транспозита и при этом называть другой объект/явление, следовательно, будем считать, что такой дериват не имеет ВФ, как и его непродуцированное мотивирующее (и *нежный*, и *нежность* не обладают ВФ).

Таким образом, можно говорить о том, что ВФ слова не закреплена за определенным элементом словообразовательного гнезда, ее место в нем нефиксированное и зависит от характера значения слова, ВФ которого подлежит экспликации. ВФ слова может оказаться как вершина гнезда, так и мотивирующее слово или элемент словообразовательного гнезда, не совпадающий ни с тем, ни с другим. Кроме того, слово, несмотря на свою продуцируемость, может быть лишено ВФ.

Библиографические ссылки

1. Караулов ЮН, редактор. *Русский язык. Энциклопедия*. Москва: Большая Российская энциклопедия; 2003. 703 с.
2. Ярцева ВН, редактор. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Большая Российская энциклопедия; 2002. 707 с.
3. Жеребило ТВ. *Словарь лингвистических терминов*. Назрань: Пилигрим; 2010. 486 с.
4. Попович НВ. Проблемы соотношения внутренней формы и значения слова. В: *Сборник научных трудов Московского государственного университета иностранных языков имени Мориса Тореза. Выпуск 361*. Москва: МГЛУ имени М. Тореза; 1990. с. 81–86.
5. Ермакова ОП, Земская ЕА. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова. *Известия Академии наук СССР. Серия языка и литературы*. 1985;6(44):518–525.
6. Снитко ЕС. Учение А. А. Потебни о ВФС и его судьба в современной лингвистике. *Русское языкознание*. 1991;22:39–45.
7. Ольховская АИ. Внутренняя форма слова как феномен обыденного метаязыкового сознания. *Научный диалог*. 2017; 4:57–69. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-57-69.
8. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 1*. Москва: Наука; 1980. 1792 с.
9. Трофимович ТГ. *Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности*. Минск: БГПУ; 2003. 223 с.
10. Новикова ЛВ. К вопросу о словообразовательном значении в рамках неологии. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2009;35(173):115–119.
11. Новиков ЛА, редактор. *Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. Пунктуация*. Санкт-Петербург: Лань; 2001. 864 с.
12. Улуханов ИС. *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва: ЛКИ; 2008. 232 с.
13. Голев НД. К вопросу о семантическом расстоянии между словами, связанными мотивационными отношениями (модификация). В: *Семантическая структура слова*. Кемерово: КГУ; 1984. с. 17–26.
14. Евгеньева ПА, редактор. *Словарь русского языка. Том 1–4*. Москва: Русский язык; 1985–1988. 800 с.
15. Земская ЕА. *Словообразование как деятельность*. Москва: Наука; 1992. 220 с.
16. Виноградов ВВ. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: Высшая школа; 1972. 601 с.
17. Кубрякова ЕС. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 555 с.
18. Косова ВА. Деривационно-семантическая типология словообразовательных категорий. *Ученые записки Казанского университета*. 2013;155(5):141–151.

References

1. Karaulov YuN, editor. *Russkii yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; 2003. 703 p. Russian.
2. Yartseva VN, editor. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; 2002. 707 p. Russian.
3. Zherebilo TV. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran: Piligrim; 2010. 486 p. Russian.
4. Popovich NV. [Problems of correlation between the inner form and meaning of word]. In: *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta inostrannykh yazykov imeni Morisa Toreza. Issue 361*. Moscow: Moscow State Linguistic University; 1990. p. 81–86. Russian.
5. Ermakova OP, Zemskaya EA. [Comparative research of word-formation and inner form of a word]. *Izvestia nauk SSSR. Seriya yazyka i literatury*. 1985;6(44):518–525. Russian.
6. Snitko ES. [Potebnnya's doctrine about inner form of a word and its destiny in modern linguistics]. *Russkoe yazykoznanie*. 1991;22:39–45. Russian.
7. Olkhovskaya AI. [Inner form of word as phenomenon of ordinary metalinguistic consciousness]. *Nauchnyi dialog*. 2017;4: 57–69. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-57-69. Russian.
8. Shvedova NYu, editor. *Russkaya grammatika. Tom 1* [Russian grammar. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1980. 1792 p. Russian.
9. Trofimovich TG. *Tipy predmetnykh naimenovanii v yazyke starorusskoi delovoi pis'mennosti* [Types of substantive names in Old-Russian business writing]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University; 2003. 223 p. Russian.
10. Novikova LV. [On meaning of derivatives within the science of neology]. *Vestnik Chelabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskustvovedenie*. 2009;35(173):115–119. Russian.
11. Novikov LA, editor. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika. Leksikologiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. Sintaksis. Puntuatsiya* [Modern Russian language. Phonetics. Lexicology. Word-formation. Morphology. Syntax. Punctuation]. Saint Petersburg: Lan'; 2001. 864 p. Russian.
12. Uluchanov IS. *Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Russian derivational system units and its lexical realization]. Moscow: LKI; 2008. 232 p. Russian.
13. Golev ND. [Semantic distance between motivation-related words (modification)]. *Semanticheskaya struktura slova*. Kemerovo: Kemerovo State University; 1984. p. 17–26. Russian.
14. Evgen'eva PA, editor. *Slovar' russkogo yazyka. Tom 1–4* [Russian dictionary. Volumes 1–4]. Moscow: Russkii yazyk; 1985–1988. 800 p. Russian.
15. Zemskaya EA. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word-formation as activity]. Moscow: Nauka; 1992. 220 p. Russian.
16. Vinogradov VV. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical teachings on word]. Moscow: Vysshaya shkola; 1972. 601 p. Russian.
17. Kubryakova ES. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: towards the gaining of linguistic knowledge. Parts of speech in terms of cognitive science. Role of language in experience of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. 555 p. Russian.
18. Kosova VA. [Derivational and semantic typology of word-formation categories.]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 2013;155(5):141–151. Russian.

Статья поступила в редакцию 07.06.2019.
Received by editorial board 07.06.2019.